

Случайность и достоверность

15.08.96

Каково значение театрального костюма в придании большей достоверности тому или иному спектаклю? Серьезное это занятие или дорогое, но бесполезное, ничего не дающее хобби — коллекционирование старинных костюмов, старинной мебели? Об этом беседуют заслуженная артистка России Алла Азарина и театральный художник Александр Васильев.

Алла Азарина окончила Школу-студию МХАТа, играла в различных московских театрах. Недавняя работа — постановка по собственной инсценировке спектакля «И вдруг...» по нескольким рассказам А.П. Чехова на сцене Московского театра имени А.С. Пушкина. Александр Васильев — театральный художник с мировым именем. Оформлял спектакли во многих странах. Последние 25 лет живет в Париже, но часто бывает на родине, в Москве. Историк моды, коллекционер, автор нескольких книг. Был автором и вел циклы популярных передач на наших телеканалах.

Алла Азарина. «И вдруг...» — малобюджетный спектакль, можно сказать — безбюджетный, идет для 40–50 зрителей в Пушкинском фойе театра. Сразу встал вопрос: как оформить? Сцены-то нет, возможности ограничены. Все должно быть очень лаконично и точно. Я узнала, что ты в Москве, и решила, по давней дружбе, тебя и попросить. Когда об этом узнали в театре, то многие говорили: «Да он такой занятой, такой востребованный человек, такой дорогой специалист... Не согласится». А когда ты пришел, страшно удивились, не верили, бежали смотреть...

Александр Васильев. Меня идея страшно увлекла. Очень эффектный зал, прекрасные, во всю стену, зеркала... Каждая деталь оформления должна была заиграть. Нашли мебель — ту, что была во времена Чехова, костюмы по моде столетней давности... Потом говорили, что это из коллекции Васильева. А это все — из подбора. И ведь, в конце концов, все получилось очень достоверно: конец XIX — начало XX века.

А.А. А помнишь, показывал, как нужно двигаться, как надевать шляпку, как петь старинные романсы?

А.В. Это особый разговор. Во Франции я познакомился с одной женщиной — ей было уже 90 лет, и сейчас уже много лет, как она умерла. А когда-то была ученицей прекрасной русской певицы Мелы Фигнер, первой Лизы в «Пиковой даме» Чайковского, — это вторая половина уже позапрошлого века. Она-то мне все и показала, даже напела. Исполнялось совсем не так, как сейчас.

А.А. Как ты относишься к тому, что время действия многих спектаклей переносится, скажем, из Средневековья в наши дни? Прием ведь достаточно рискованный.

А.В. Думаю, все зависит от средств, которыми театр располагает. Костюмные спектакли очень дороги. Исторически достоверная сценография тоже далеко не каждому театру по карману. Вот и выходят на сцену герои с графскими и рыцарскими титулами и именами в майках и джинсах, эту одежду можно просто купить в магазинах. И декорации ни на что не претендуют. Но текст говорится «старый» — а мы сегодня говорим иначе, пластика другая, да все другое. Зритель в лучшем случае не сразу, но все-таки вникнет в новую театральную условность, примет новые «правила игры», а часто просто останется после спектакля в недоумении.

А.А. Думается все же, что не только в этом дело. Бывает ведь режиссерское решение, желание сделать в спектакле упор на то, что сегодня звучит особенно актуально.

А.В. Конечно, есть и это. Но возникает столько нюансов, что постановщик уже не в состоянии или даже не желает их учитывать. Ведь когда ставишь пьесу в стиле, допустим, Ренессанса, то надо знать костюмы, пластику, традиции, этикет... Слишком много надо знать. В прошлом исторической достоверностью, тща-

ВЛАДИМИР СЕЛАНОВ

Алла Азарина: «Все должно быть лаконично и точно»

тельностью отличались Малый и Большой театры, Московский художественный, питерские Маринка и Александринский театр, они даже собирали костюмы, мебель изучали... Сегодняшние режиссеры в большинстве случаев к исторической бытовухе точноности спектаклей относятся очень небрежно — как на Западе, так и в России. А если умный, грамотный зритель увидит фальшь в каких-то деталях оформления, ему и весь спектакль покажется фальшивым, его не переубедит даже самая блестящая игра артистов.

А.А. У меня есть знакомый из семьи потомственных военных. Он в телефильме «Московская сага» усмотрел столько неправильного в военной форме 20–40-х годов, в которой «щеголяют» персонажи, — не такое уж давнее время! — что это зачеркнуло для него весь громадный сериал.

А.В. Зрителей вроде твоего знакомого немало. Один знает и помнит одно, второй — другое. Рассказывают своим друзьям, те передают дальше. И даже за удачным в общем-то спектаклем, телефильмом,

бывает, возникает и тянется шлейф большой недостоверности. Кстати, очень много неточностей в недавнем очень неплохом телесериале «Мастер и Маргарита», где действие происходит в 20–30-х годах, а одеты люди по тяжелой «позднесталинской» моде. А рекордсменом по несоответствию одежды времени действия, по-моему, является сериал «Бедная Настя», в котором в начале позапрошлого века в российских домах всюду почему-то мебель одной сегодняшней итальянской фирмы, персонажи все ходят с синтетическими косами...

А.А. Строгий ты критик.

А.В. Да я не критикую, не ругаю. Просто говорю как человек, это дело знающий, с опытом. Говорю, как сын известного театрального художника, который работал с 20-х годов. Как человек, получивший достойное образование и у нас, и во Франции, оформил больше ста спектаклей. Как сын страстного коллекционера. На сцене не должно быть ничего необязательного, случайного. Я в этом убежден.

Записал Юрий Казарин

Россия — 2006